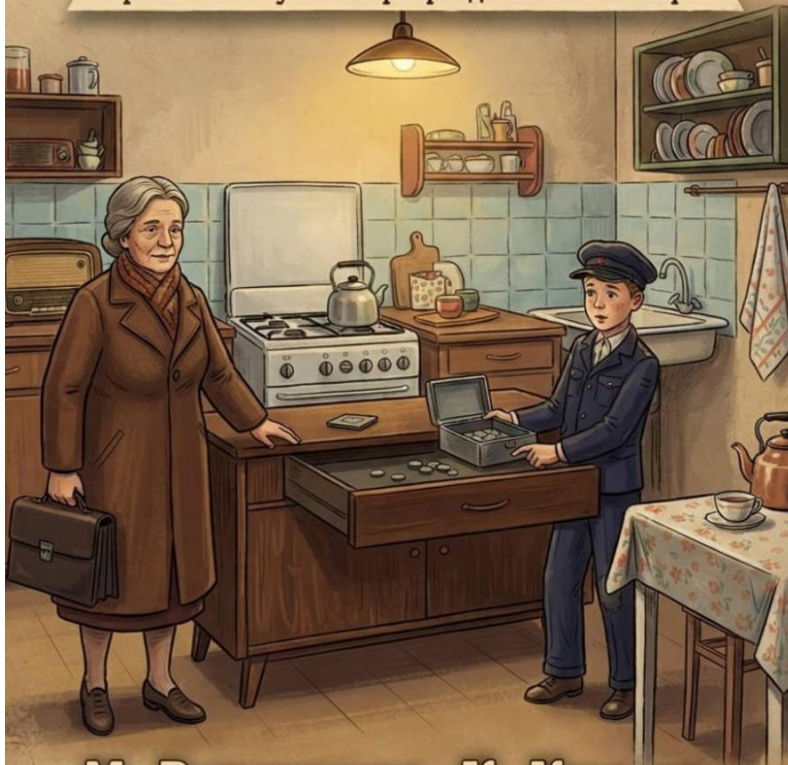

Дело №1. Пропавшая касса

Первая книга уютной ретро-детективной серии

М. Воронцова, К. Клодов

М. Воронцова

Пропавшая касса

<https://litres.ru/74300842>

SelfPub; 2026

Аннотация

Ленинград, 1954 год. Из общего буфета коммунальной квартиры пропадает касса — деньги, которые пятеро соседей полгода копили на радиоприёмник для кухни. Первым подозревают тринадцатилетнего Петю. Но учительница литературы Клавдия Тимофеевна не верит в его вину и берётся найти настоящего виновника сама, не дожидаясь милиции.

За закрытыми дверями находится на удивление много секретов — у каждого соседа есть что скрывать. Учительнице и её юному помощнику предстоит научиться отличать чужую тайну от настоящей вины, а самую громкую жалобу — от крика о помощи.

Первая книга уютной ретро-детективной серии.

Содержание

Глава 1. Жестяная коробка	4
Глава 2. Союзники	9
Конец ознакомительного фрагмента.	12

М. Воронцова

Пропавшая касса

Глава 1. Жестяная коробка

Утро в квартире номер шесть началось не с обычного стука кастрюль на общей кухне, а с крика Антонины Егоровны — крика такого пронзительного, что даже кот Барсик, дремавший на подоконнике, спрыгнул и скрылся под сундуком.

Кухня была общая для всех пяти семей — длинная комната с закопчённым потолком, где вдоль стен теснились пять столов, а на каждом свой примус или керогаз, свои кастрюли и приметы хозяек: у Гавриловых — эмалированный чайник в белый горошек, у Кузнецовых — застиранная клеёнка в мелкий цветочек. Высокие, ещё дореволюционные потолки с потрескавшейся лепниной странно соседствовали с верёвками для белья, протянутыми из угла в угол, и мутным окном, за которым брезжил хмурый ленинградский рассвет.

Антонина Егоровна вообще кричала часто и по любому поводу — соседи давно привыкли к этому, как к бою часов, и не всегда прислушивались всерьёз. Крикливость её шла не от вредного нрава, а скорее от вечной тревоги: она держала в голове судьбы доброго десятка родни, разбросанной войной и переездами по всей стране, и любая мелочь легко обо-

рачивалась в её воображении бедой. Но в это утро в голосе её звучал не обычный преувеличенный испуг, а что-то по-настоящему похожее на панику.

— Украли! Украли, я вам говорю!

Клавдия Тимофеевна Воронцова вышла в коридор одной из первых — ещё в халате, с папкой ученических сочинений под мышкой, которую собиралась проверить за чаем. Невысокая, чуть сутулая от многолетней привычки склоняться над тетрадами, она носила очки в тонкой металлической оправе и волосы стягивала в тугий узел; седины в них с каждым годом прибавлялось, хотя сама она предпочитала этого не замечать. За ней, потирая заспанные глаза, показался отставной подполковник Гаврилов. Он и дома держался так прямо, будто вот-вот объявят построение, а усы у него всегда были закручены — на военный манер, аккуратно, без единого сбившегося волоска. Следом — молодожёны Кузнецовы, и всклопоченная портниха Зинаида Марковна с булавками, так и оставшимися приколотыми к рукаву кофты.

— Что стряслось, Антонина Егоровна?

— Касса! — Антонина Егоровна, простоволосая, в наспех запахнутом стёганом халате, тыкала пальцем в открытую дверцу буфета, где под старыми газетами обычно стояла жестяная коробка из-под чая «Грузия», в которую вот уже полгода все пятеро семей откладывали на общий радиоприёмник для кухни. Копили по рублю, по три — кто сколько мог. Собрали почти двести рублей. — Пустая коробка! Кто-

то её обчистил!

Повисла тишина, в которой было слышно, как капает кран.

— Может, переставили куда, — неуверенно предположила молодая Кузнецова.

— Я каждый день сюда заглядываю, банку с крупой достаю! — отрезала Антонина Егоровна. — Вчера вечером деньги были. Сама пересчитывала перед сном, сто девяносто три рубля.

Клавдия Тимофеевна молча оглядела кухню. Ничего как будто не тронута — ни посуда, ни висящее на верёвке бельё. Только пустая коробка, аккуратно поставленная на прежнее место — будто вор не спешил и хотел, чтобы пропажу заметили не сразу.

«Странно, — подумала она. — Настоящий вор коробку бы прихватил или бросил где попало. А этот вернул на место, будто извиняясь».

— А где Петя? — вдруг спросила Зинаида Марковна, и все головы повернулись к двери комнаты Смирновых.

Пётр — тринадцатилетний сын соседей, тот самый, которого Клавдия Тимофеевна два раза в неделю после уроков подтягивала по русскому и литературе, — стоял в дверях бледный, в наспех накинутой на плечи рубахе. Рубаха эта уже который месяц просила новых локтей, и штопка на них была хоть и аккуратной, но заметной. Волосы у Пети торчали во все стороны, как будто расчёска сдалась раньше, чем

он сам.

— Я тут ни при чём, — выговорил он, и голос у него дрогнул.

— А чего ты вчера у буфета крутился допоздна? — прищурился подполковник. — Я сам видел, часов в десять.

— Я... я воды хотел.

— Воды он хотел, — фыркнула Антонина Егоровна. — А сегодня утром, соседка Морозова сказывала, у него новые ботинки. Между прочим, дефицитные, с рынка. Мать-то его в такой обуви не ходит.

Петя открыл было рот, но снова закрыл его и посмотрел в пол.

Клавдия Тимофеевна почувствовала, как в груди что-то сжалось. Она знала этого мальчика три года. Знала, как он до слёз стеснялся читать вслух, как разбирал по буквам «Капитанскую дочку», как однажды принёс ей засушенный кленовый лист, потому что «в сочинении про осень надо, чтобы было по-настоящему». Вор — не про него. Она была почти уверена. Почти.

— Пойдём, Петя, — сказала она тихо, кладя руку ему на плечо. — Расскажешь мне всё как есть. Только мне. А коробку эту, — она кивнула соседям, — пока никто не трогает и не выбрасывает. И крышку, и газеты внутри — всё оставьте, как было.

— Вы-то тут при чём, Клавдия Тимофеевна? — недовольно бросил Гаврилов. — Пусть милиция разбирается.

— Милиция придёт, спишет на пьяную выходку да и забудет через неделю, — спокойно ответила она, уводя мальчика в свою комнату. — А деньги-то общие. И мальчик — тоже общий, между прочим. Если уж вы все вместе на приёмник копили, так и правду вместе искать придётся.

Дверь за ними закрылась, и в коридоре ещё долго стоял гул возмущённых голосов.

Уже сидя со своей чашкой чая, Клавдия Тимофеевна вдруг вспомнила: два дня назад почтальон принёс телеграмму именно для Антонины Егоровны, и та, против обыкновения, ничего не стала рассказывать соседям — только заперлась у себя и весь вечер не выходила даже на кухню. Тогда это не показалось важным. Сейчас — почему-то показалось.

Глава 2. Союзники

В комнате Клавдии Тимофеевны пахло сухими яблоками и книжной пылью. Петя сел на краешек стула, не поднимая глаз, а она молча налила ему чаю — крепкого, почти без сахара, как пила сама.

— Рассказывай, — сказала она наконец. — С самого начала, и без утайки.

— Я ботинки не украл, — выпалил он. — Я их заработал. Чинил обувь дяде Косте с третьего этажа, и Морозовым сумку зашивал, и ещё... по всему двору почти. Отец меня учил, ещё до того, как... — он замолчал.

Клавдия Тимофеевна кивнула. Отец Пети погиб на фронте, когда сыну было три года — об этом в квартире знали все, но вслух говорили редко.

— Я откладывал по чуть-чуть с зимы. А маме не сказал, потому что она... она хочет, чтобы я инженером стал, а не сапожником каким. Сказала бы, что это несерьёзно, что позорно руки пачкать.

— Значит, деньги честные, — подытожила Клавдия Тимофеевна. — А коробку из буфета ты трогал?

— Нет! — Петя вскинул голову. — Я правда воды хотел вчера, вот истинный крест. А коробка на месте стояла, я даже не смотрел на неё.

Она поверила ему сразу — не потому что хотела, а потому

что три года читала его сочинения и знала: этот мальчик не умел врать связно, у него всегда путались детали. Сейчас же рассказ был твёрдым, ровным.

— Хорошо, — сказала она. — Тогда у нас с тобой одна забота на двоих: доказать это соседям. А заодно — найти, кто взял деньги на самом деле.

Петя поднял глаза, не веря.

— Вы... возьмёте меня в помощники?

— Учитывая, что тебя подозревают первым, — усмехнулась она, — ты как никто заинтересован в успехе следствия. Да и потом — ты знаешь эту квартиру лучше, чем я когда-либо узнаю. Кто когда встаёт, кто чем дышит, кто с кем не разговаривает уже третий год.

Она достала чистый тетрадный лист и разделила его на два столбца.

— Первое правило: подозреваем всех, не веря на слово никому — даже тем, кто больше всех возмущается. Особенно тем, кто больше всех возмущается, — вспомни, как Антонина Егоровна кричала громче остальных. Второе: ищем не того, кому нужны деньги, а того, у кого была возможность и кто знал точно, где лежит коробка.

— Все же знали, где она лежит, — растерянно сказал Петя. — Она у всех на виду в буфете.

— Верно. Значит, дело не в том, кто знал про буфет, а в том, кто знал, что вчера вечером там было именно сто девяносто три рубля — сумма-то не круглая. Кто последний ви-

дел, как Антонина Егоровна пересчитывала деньги?

Петя задумался, и Клавдия Тимофеевна увидела, как в его глазах впервые за утро мелькнул азарт вместо страха.

— Пойдите... я, кажется, слышал, как она вслух считала. Через стенку. Она всегда вслух считает, когда с деньгами возится, у неё с арифметикой плохо.

— Через стенку, — медленно повторила Клавдия Тимофеевна. — А чья комната с ней смежная?

Они оба посмотрели на план квартиры, который она тут же набросала на обороте листа — пять комнат вокруг общего коридора, кухня и уборная в торце.

— Гавриловская, — тихо сказал Петя. — И ещё Зинаиды Марковны, через тонкую перегородку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.